
ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

В.С. Левицкий*Украинский институт стратегий**глобального развития и адаптации**Брюссель, Бельгия*

uisgda@gmail.com

**МЕЖДУ РЕАЛИЗМОМ И КОНСТРУКТИВИЗМОМ:
ОНТИКОЛОГИЯ****[Viktor S. Levitsky Between the realism and the constructivism: onticology]**

It has been studied modern discourses concerning the nature of reality. An argument between realists and constructivists is actualized basing on the example of philosophical stream, which had been called object-oriented ontology or onticology. Basing on the analysis of works written by B.Latour, G.Harman, L.Bryant the author explicates its distinctive features: 1) denial of the gap between culture and nature, subject and object; 2) endowment of each object with intentionality and the ability to build its reality; 3) statement of the presence of secondary qualities for all objects. The author summarizes that onticology can be defined as a radical relativistic-solipsistic constructivism rather than ontological realism.

Key words: onticology, ontology, realism, constructivism, reality, object, subject, intentionality.

Вопрос природы реальности интересовал, наверное, все поколения философов: от Платона и Парменида до Р. Рорти и Ю. Хабермаса. В разные эпохи он решался по-разному, при этом методологические подходы были также абсолютно разные. Модерн в этом отношении не стал исключением, а скорее наоборот, может «похвастаться» лидерством в разнообразии возможных ответов. Также обращает на себя внимание методология решения данной проблемы, которая, по крайней мере, начиная с философии И. Канта, является абсолютно уникальным феноменом Модерна, не известным предыдущим эпохам. Открытие трансцендентальных форм познавательной способности (а вместе с тем и их конструирующей функции) немецким философом превратило реальность в производную от деятельности самого субъекта. Развивая идеи Канта, сначала И. Фихте, а затем Г. Гегель, за-

острили и радикализировали мысли своего предшественника, отбросив существование мира вещей в себе: вся тотальность реальности понимается как сконструированная трансцендентальным субъектом.

С течением времени мысль о сконструированности, социальной ангажированности, языковой детерминированности, прагматической обусловленности реальности становилась все более общеупотребимой. Те или иные положения конструктивистской концепции разделяют разные, иногда до противоположности, философские традиции: марксизм, феноменология (начиная с «Кризиса...»), прагматизм, коммуникативная философия и т.д. Однако это не значит, что дискуссия по этому поводу завершена и сегодня нет альтернативной позиции: такая позиция как присутствовала в прошлом, так есть и сейчас. Более того, дискуссия эта происходит в рамках многих дисциплин: эпистемологии, социальной философии, социологии знания, онтологии, психологии, социальной психологии и др. Существует множество вариантов классификации противоборствующих позиций: реализм, анти-реализм, конструктивизм, конструктивный реализм (В. Лекторский); онтологический реализм vs конструктивизм (Л. Брайант); объектно ориентированная философия vs тирания субъекта (Г. Харман); социально-конструктивистская парадигма vs традиционная методология (М. Смагина). Более того внутри, например, конструктивистской позиции можно выделить несколько направлений: конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм (А. Улановский); натуралистический и культуральный конструктивизм (И. Касавин) или используя в виде критерия, например, особенности философского метода можно говорить о феноменологическом конструктивизме, прагматическом, лингвистическом и т. д.

Что касается реализма, то эта эпистемологическая позиция связана с утверждением тезиса о существовании объективной реальности, которая может быть познана человеческим разумом. Среди наиболее влиятельных сторонников этого направления в новейшей философии можно назвать К. Поппера, К. Крипке, Дж. Серла, Х. Патнема, Р. Харре, П. Черчленда и др. Согласно данной традиции, мир есть независимо существующая целостность, открытая для познания, объем знания о котором постоянно увеличивается в ходе научного прогресса. Современные реалисты отрицают конструктивистский тезис о тотальной зависимости познанного от концептуальных схем, ло-

гических и лингвистических форм, на котором настаивают конструктивисты. Так, например, выступая в защиту реализма, академик В. Лекторский критикует ряд известных экспериментов с цветами: в Африке была обнаружена народность, в языке которой было всего два слова для обозначения цветов: они различали только теплые и холодные цвета. Дальнейшие эксперименты подтвердили данный факт. Естественно, это было воспринято как подтверждение позиции конструктивизма, в частности теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Однако В. Лекторский настаивает на том, что язык в данном случае выступает просто еще одним фильтром отбора поступающей информации (согласно теории Р. Грегори), а дальше констатирует: «для того, чтобы нечто выделять, это нечто должно существовать на самом деле» [4]. При этом возникает ряд логичных вопросов: существовать в виде чего? как мы можем об этом знать? каким образом мы имеем доступ к этому «на самом деле»? Любая попытка высказать нечто о сущем отсылает нас к определенному словоупотреблению (лексике и грамматике) и смыслообразованию, то есть (как убедительно каждый на основе собственного философского инструментария показали Л. Витгенштейн и М. Хайдеггер) подразумевает связанную с языком онтологическую относительность.

Далее В. Лекторский приводит пример от обратного и апеллирует к чукотским народностям, которые различают 22 оттенка белого цвета, в отличие, например, от европейцев. И настаивает опять на том, что, если бы эти оттенки не существовали «на самом деле», их бы и воспринимать было невозможно, а также добавляет: «Но если бы это было жизненно необходимо, мы стали бы воспринимать и эти оттенки белого» [4]. Несколько уходя от предмета настоящей статьи, хочется все же заметить, что даже жизненная необходимость или даже экзистенциальный вызов не подарят нам возможности по собственному желанию ни начать различать все оттенки белого цвета, ни вместо палитры семи цветов, начать видеть только два – теплый и холодный. Это возможно исключительно в том случае, когда мы успешно усвоим совокупность категорий культуры этих народностей, то есть станем одними из представителей их жизненного мира.

Рассмотренная «линия защиты» реализма от конструктивистских релятивизаций наглядно демонстрирует и суть противостоящих позиций и призрачность надежды на их примирение. Однако в последние годы сформиро-

валась философская позиция, смягчающая указанное противостояние, хотя и весьма неожиданным способом. Этим философским направлением, отстаивающим позицию реализма, стало движение, сформировавшееся и ставшее популярным к нулевым-десятым годам нашего столетия, которое имеет множество названий: объектно ориентированная онтология (ООО), демократия вещей, спекулятивный реализм, онтологический реализм, онтикология. Оно представлено целой плеядой современных философов, такими как Б. Латур¹, Г. Харман, Л. Брайант, К. Мейясу, Т. Мортон, Я. Богост, М. Маклюэн и др. В целом можно было бы охарактеризовать данное движение, как своеобразный бунт против Канта. Однако, например, аксиоматическое разделение Г. Харманом мира на реальный и чувственный лишний раз показывает, что ему не удалось шагнуть за границы, очерченные великим немцем.

Так один из представителей данного направления – Л. Брайант, сам определяет философскую позицию своей школы, отмежевываясь как от эпистемологического реализма, так и от антиреализма. Он в частности пишет: «Онтологический *реализм* ... (в отличие от эпистемологического – Л.В.) занят не нашим *познанием* объектов, а бытием самих объектов безотносительно к тому, существуем ли мы – те, что их представляют. Такой реализм утверждает, что мир составлен из объектов, что эти объекты разнообразны и включают в себя такие разнообразные сущности, как разум, язык, культурные и социальные сущности, независимые от людей объекты вроде галактик, камней, кварков, микробов и т.д.» [1, с. 281]. Американский философ настаивает, что объектно ориентированная онтология занимается самими объектами, а не нашими конструкциями этих объектов, подчеркивая, что все объекты «существуют в равной степени», отсюда и второе название для данной теории — демократия объектов (вещей). То есть представители этого направления пытаются помыслить бессубъектный объект. Это же положение позволяет им выступить и против антиреалистов, ибо таким образом снимается конструктивистская уникальность субъекта: различие между субъектом и объектом в степени, а не в качестве, соответственно «все объекты переводят друг друга» [1, с. 281].

¹Хотя следует оговориться, что если, для Л. Брайанта Бруно Латур несомненно попадает в список представителей развивающих онтикологию, то, например, для И. Касавина французский философ является представителем интерналистского направления социального конструктивизма. С другой стороны, это и не удивительно, учитывая ту «миграцию», которая имеет место в творческом пути автора акторно-сетевой теории.

Главный пафос данной философии, таким образом, можно увидеть в отрицании разрыва между природой и культурой, между субъектом и объектом. Такая позиция стала возможна благодаря концепции Б. Латура, которого многие философствующие в рамках онтикологии считают своим вдохновителем. При том что французский философ выступает против Модерна и даже пытается обосновать его отсутствие [3], его философия скорее является не преодолением Модерна, а попыткой примирить Лейбница и Канта: монадами становятся все сущности мира, которые в то же время оказываются центром каждый своего «собственного» мира. В своей акторно-сетевой теории он настаивает на нескольких важных позициях: не существует разрыва между субъектом и объектом, каждый объект может вступать в связь с другим, таким образом создавая свой мир, и соответственно существовать, теперь значит быть актором определенной сети. В этом случае очень показательны пример с атомами и привидениями: атомы признаются реально существующими только потому, что на данный момент времени у них больше «сторонников». Конечно, в таком случае возникает вопрос относительно тех времен, когда у атомов совершенно не было сторонников – соответственно необходимо признать их несуществовавшими. Тогда эта позиция мало чем отличается от конструктивизма, за исключением того, что для конструктивизма вопрос относительно атомов самих по себе является бессмысленным. Анализируя данную позицию, продолжатель идей Латура Г. Харман констатирует: «...реальность вещи определена тем, как она регистрируется другими вещами, с той важной оговоркой, что Латур позволяет неживым акторам работать друг на друга точно так же как и на нас» [5, с. 241], а дальше указывает на основную прорывную новизну эпатажного француза: «Выдающееся достижение Латура – отрицание нововременного колебания между человеком и миром...» [5, с. 241].

С одной стороны, вполне понятно, что Латуру, а вслед за ним и целой плеяде философов, стало «тесно» в человеческом мире и они предприняли попытку покинуть его пределы, но в таком случае всегда остается вопрос относительно инструментария, при помощи которого это становится возможно. Обосновывая существование такого «объектного мира», мы наделяем его объекты антропоморфными свойствами, наличие или отсутствие которых невозможно доказать, что делает его мало отличимой от фантазии. Куда после-

довательнее в такой ситуации исповедовать кантовскую методологию и не пытаться говорить о том, о чем (как говорил Витгенштейн) «следует молчать». С другой стороны, генетическая связь данной философской установки с Модерном. Она возможна только после постмодернистской деконструкции просвещенческого гранднарратива и восстания против деспотии субъекта, и как следствие, онтологического уравнивания всех сущностей, что абсолютно невозможно себе представить в рамках античного космоса или в модели средневековой иерархии сущностей.

Развивая свою теорию, Г. Харман идет дальше, и в программной статье «Замещающая причинность» настаивает на том, что и такое свойство как интенциональность не является исключительно человеческим. «Интенциональность, – пишет Г. Харман, – не только специфическая человеческая собственность, но онтологическое свойство объектов вообще» [6]. Это позволяет ему по-новому решать вопрос первичных и вторичных качеств. Если для классической философии первичные качества связаны с объектами, а вторичные с субъективными восприятиями последних, то онтология не отрицая принципа такого деления, настаивает на способности любого объекта формировать вторичные качества по отношению к другим объектам. В силу отсутствия возможности более детально рассмотреть этот вопрос укажем лишь наиболее известные примеры, которые приводит Г. Харман, чтобы проиллюстрировать свою позицию. Так, в «Государе сетей» он пишет: «Если запах и цвет хлопка (для людей) – вторичные качества, то тогда его воспламеняемость (для огня) – точно такое же вторичное качество» [5, с. 241], а в «Замещающей причинности» утверждает, «что один бильярдный шар скрывает от другого бильярдного шара не меньше, чем шар-в-себе скрывает от людей» [6], за этим следует, что не только созерцающий субъект вступает во взаимоотношения с лежащими на столе шариками, но и «стеклянные шарики сами искренне¹ поглощены тем, что сидят на столе» [6]. Таким образом, шарики являются не меньшим актором и создателем мира, чем наблюдающий их субъект: «трансцендентальная апперцепция» шарика создает партикулярный мир шариков².

¹Следует оговориться, что в своей концепции Г. Харман использует «искренность» в синонимичном значении с «интенциональностью» [6].

²В рамках данного исследования не представляется возможным проанализировать как реальный шарик взаимодействует с чувственным шариком, с реальным столом и с чувственным столом, находясь при этом в рамках реальной интенциональности. Для желающих разобраться с этими вопросами только сошлемся на указанное произведение Г. Хармана, где он подробно исследует все эти отношения. См. указанное произведение.

Даже краткий анализ объектно ориентированной философии позволяет выделить несколько смыслообразующих ее узлов. Первое – это отрицание разлома, разрыва между культурой и природой, между субъектом и объектом. Второе, каждый объект обладает интенциональностью и способен, вступая во взаимоотношения выстраивать свою реальность. Отсюда, третье – констатация наличия вторичных качеств у всех объектов¹.

Первая проблема, которая становится очевидной при анализе концепции Г. Хармана – это то что при достаточной логической строгости аргументации, изначально в качестве аксиоматической предпосылки незаметно вводится прием, который Гуссерль использовал в своей Пятой медитации, пытаясь решить проблему солипсизма и обосновать возможность интерсубъективного мира². В этом случае он предлагал мыслить по аналогии. Но если в гуссерлевском варианте речь идет о взаимодействии двух субъектов, и аналогическое мышление хотя бы логически оправдано (что, однако, не уберегло Гуссерля от критики со стороны уже первого поколения феноменологов), то что дает право, распространяя аналогию, полагать, что шарики, хлопок, микробы и т.д. выстраивают мир, используя наши законы (инструментарий) не совсем ясно. А без этого допущения все дальнейшее умозаключение проблематизируется.

Вторую проблему можно обозначить, как неудавшийся бунт против Канта. Функция трансцендентального субъекта была перепоручена каждому объекту. Однако в кантовском (и его последователей) случае, осознавая относительность собственного мироздания и смыслообразования, можно хотя бы внутренне несопротиворечиво говорить об архитектонике этой реальности, попытка же обосновать природу и форму других (не субъектных) мирозданий похожа больше на вымысел. Это удачно подметил российский критик хармановской философии Д. Кралечкин: «Парадокс в том, что, отбросив столь ненадежную гарантию существования, как «данность» субъекту, Харман был вынужден заменить ее бесконечной композиционностью: за одно конституирующее эго в такой онтологии дают бесконечный ряд реально связанных друг с другом объектов, создающих непредикативное бытие в складчину» [2, с. 317].

¹В этом вопросе, правда, позиции, например, Б. Латура, который отрицает различие между первичными и вторичными качествами вообще, полагая, что все качества конструируются отношениями, и Г. Хармана расходятся.

²Следует сказать, что Харман прекрасно осведомлен о развитии как классической феноменологии, так и вышедшей из нее фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, творчеству которого и была посвящена докторская диссертация американского философа.

И, наконец, третье «узкое место» онтикологии – всегда остается вопрос, относительно «языка», на котором можно выстраивать объектную онтологию. Со времен Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, и особенно после лингвистического поворота, стало очевидно, что язык – это не просто средство коммуникации, а определенный «способ создания мира». Соответственно, рассуждение относительно шариков самих по себе, а тем более попытка понять этот мир «изнутри» шарика скорее напоминает упражнение в построение риторических фигур, при этом никак не приближающее к пониманию природы этого мира. Соответственно, объектно-ориентированную онтологию можно скорее идентифицировать как радикальный релятивистско-солипсистский конструктивизм, нежели как онтологический реализм, в рамках которого каждый объект выстраивает свой собственный мир. Предпринятую же попытку создать реализм на новых основаниях, нужно признать скорее неудачной.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Брайант Л.* На пути к окончательному освобождению // Логос. 2014. № 4 (100).
2. *Кралечкин Д.* О сургуче и капусте // Логос. 2014. № 4 (100).
3. *Латур Б.* Нового времени никогда не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. Спб.: Издательство Европейского университета в С-Петербурге, 2006.
4. *Лекторский В.* Реализм, Анти-реализм, Конструктивизм и Конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке. Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/6141-realizm-anti-realizm-konstruktivizm-i-konstruktivnyj-realizm-v-sovremennoj-yepistemologii-i-nauke.html. Дата обращения: 25.01.2018.
5. *Харман Г.* Государь сетей: Бруно Латур и метафизика // Логос. 2014. № 4 (100).
6. *Харман Г.* Замещающая причинность. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/1997>. Дата обращения: 25.01.2018.

R E F E R E N C E S

1. *Bryant L.* Towards final liberation // Logos. No. 2014. 4 (100).
2. *Kralechkin D.* About sealing wax and cabbage // Logos. 2014. No. 4 (100).
3. *Latour B.* There was never a new time. Essay on symmetric anthropology / trans. from French D. Ya. Kalugin; Ed. O.V. Harhordin. Spb.: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2006.
4. *Lektorsky V.* Realism, Anti-Realism, Constructivism and Constructive Realism in Modern Epistemology and Science. Access mode: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/6141-realizm-anti-realizm-konstruktivizm-i-konstruktivnyj-realizm-v-sovremennoj-yepistemologii-i-nauke.html. Date of access: 01.29.2018.
5. *Harman G.* Sovereign of Networks: Bruno Latour and Metaphysics // Logos. 2014. No. 4 (100).
6. *Harman G.* Substituting causality. Access mode: <http://www.nlobooks.ru/node/1997>. Date of access: 01.29.2018.

17 января 2018 г.
